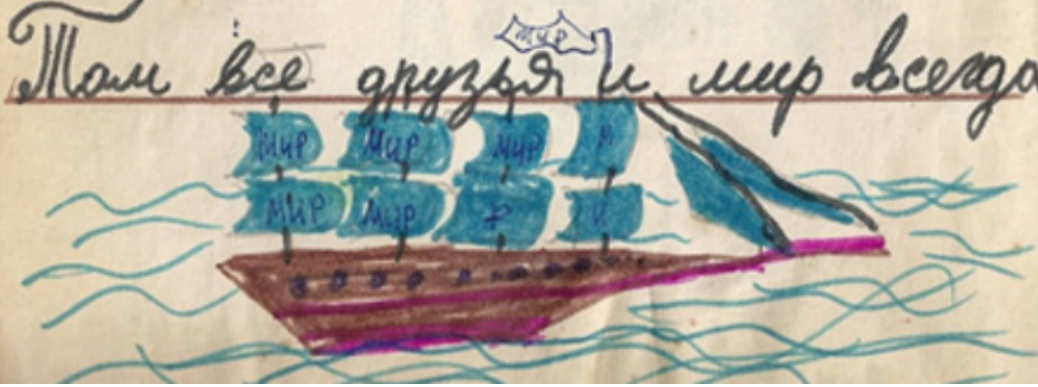
Мечта

4

Всю жизнь мечтою я как в сказке,
В безбрежном океане плыть,
Свободной быть,
И вольной быть.....
В дали увидеть остров тайный,
Где изумрудная листва,
Где волны плещутся на берег...
Там все друзья и мир всегда



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

9 — летняя русская девочка жила в Грозном. Началась война. Дневники Полины Жеребцовой — потрясающий человеческий документ, переведенный на многие европейские языки. В настоящее время готовится к печати книга, в которой будут собраны и ранние, и поздние дневники Полины.

- Дневник Жеребцовой Полины
  - 2 января 1995 год
  - 9 января 1995 год
  - 10 января 1995 год
  - 12 января 1995 год
  - 14 января 1995 год
  - 15 января 1995 год
  - 18 января 1995 год
  - 20 января 1995 год
  - 21 января 1995 год
  - 26 января 1995 год
  - 30 января 1995 год
  - 3 февраля 1995 год
  - 7 февраля 1995 год
  - 10 февраля 1995 год
  - 15 февраля 1995 год
  - 20 февраля 1995 год
  - 21 февраля 1995 год
  - 23 февраля 1995 год
  - 25 февраля 1995 год
  - 27 февраля 1995 год
  - 3 марта 1995 год
  - 4 марта 1995 год
  - 5 марта 1995 год
  - 7 марта 1995 год
  - 11 марта 1995 года
  - 12 марта 1995 год
  - 15 марта 1995 год
  - 16 марта 1995 года
  - 18 марта 1995 год
  - 19 марта 1995 год
  - 20 марта 1995 год
  - 23 марта 1995 год
  - 2 апреля 1995 год
  - 6 апреля 1995 год

- ○ 9 апреля 1995 год
- ○ 11 апреля 1995 год
- ○ 15 апреля 1995 года
- ○ 19 апреля 1995 год
- ○ 23 апреля 1995 год
- ○ 24 апреля 1995 год
- ○ ***

Дневник Жеребцовой Полины (часть первая, отрывок, Чечня — 1995 г)
Мне жалко солдата

2 января 1995 год

Стреляют, но я привыкла. Не боюсь.

Когда очень близко гремит, баба Нина поет песни или читает частушки с плохими словами. Все тогда смеются и не страшно.

Баба Нина молодец.

Мы на печке из кирпича в подъезде готовим. Я смотрю на огонь и думаю: там живут саламандры.

Суп и лепешки, пышки можно печь на кирпичах. Мы все чумазые, грязные. Все вещи в копоти. За водой ходим за дома, на трубы. Иногда лежим на земле — чтобы не убили. Так надо.

Баба Римма болеет. Это Аленкина бабушка. Я иногда бегаю к ним во второй подъезд.

У них есть буржуйка. А у нас очень холодно. Мы спим в сапогах и пальто.

Мы делаем коптилку в банке: там фитиль и керосин. Так не совсем темно ночью, и можно шептаться, пока самолеты бросают бомбы.

9 января 1995 год

Все горит. Всюду пожары. Бомбы с неба.

Убило тетю в переулке, и с другого дома семью убило.

Люди умирают, когда идут за водой, ищут хлеб.

К нам приходил какой-то мужик, просил керосин. Мама не дала.

Нас много. Кушать нечего. Мама и другие люди ходили на «базу». «База» — это такое место, там мороженое в ящиках. Его все грабят. И мама принесла с тетей Валей чуть-чуть.

Мы его разогрели и пили с лепешкой. Очень вкусно.

Снег топим. Тока его мало. И он какой-то невкусный. Вот раньше сосульки были вкусные. А этот какой-то горелый, серый. Мама говорит, это от пожаров.

Поля.

10 января 1995 год

На остановке «Нефтянка» мы видели девушку-чеченку с рыжей косой.

У нее на голове зеленая лента. А в руках маленький автомат. Девушке лет шестнадцать. Она воюет за Грозный. С ней был мальчик младше нее. Наверное, ее брат.

Дед незнакомый на остановке сказал:

— Она защищает Родину. Ты подрастешь, и ты будешь! — и показал на меня пальцем.

А мама сказала:

— Красивая девушка. Дай Бог ей удачи!

"Рыжая" покраснела и ушла.

Еще я узнала, что такой маленький автомат называется «тюльпан». Совсем как цветок!

Еды нигде нет. Хлеба нет. Баба Нина раздобыла капусты. Мы едим капусту!

Мне скоро десять лет.

Поля.

12 января 1995 год

Мансур показывал ракетницу. Это такая трубка. Ей подают сигнал. Он нашел ее на улице.

Дядя Султан, папа Хавы из первого подъезда, поймал где-то маленькую курицу, сварил ее в большом ведре и давал всем попить бульона. И нам дал. Мы сразу, всем коллективом, набросились и съели. То есть выпили воды от курицы. О, как здорово! Дядя Султан еще дал две картошки!!!

Хавы дома нету. Она с мамой в Ингушетии.

Поля.

14 января 1995 год

Пришел пешком через синие горы сын бабы Оли. Она старая. У нас жила. Его хотели расстрелять и солдаты, и ополченцы. Он всем сказал:

— Я иду к маме!

И его не убили.

Он — храбрый.

Мы были такие голодные! А он сходил на «базу», и принес нам пол ящика кильки!

О, как вкусно!

Бабу Олю он забрал.

Они будут пешком уходить из города.

Поля.

15 января 1995 год

Сказали, по больнице стреляли российские солдаты. Там много погибло людей.

Видела на улице женщин с зелеными лентами на головах.

Они воюют. Они пришли из сел, с гор. Все — чеченки.

У них автоматы.

18 января 1995 год

Еды нет. Воды нет. Холодно.

Я часто сижу в ванной комнате. Стекол нет. Решеток нет. Снарядами унесло. На полу снег. С бабкой Ниной ругаюсь. Она книги хочет жечь вместо дров!

С Баширом тоже ругаюсь. Он дергает меня за волосы. Противный второгодник! Юрочка дурачится. А я люблю Мансура. Только это страшный секрет! И чтобы никто не знал, я буду прятать тебя, дневник, за шкаф. Если Башир найдет тебя, мне грозит пожизненный позор. Он всем разболтает.

Мансур очень храбрый. Он пытается найти еду и не боится обстрелов.

Еще на остановке делали ловушку ополченцы.

Подпилили деревья и поймали БТРы. Бросали в них «поджегушку». А потом постреляли солдат и ушли.

А мальчишки с нашего двора туда побежали. И потом сказали, что один солдат еще был жив. Он попросил, чтобы его застрелили из пистолета.

У него не было ног. Они сгорели. Он сам попросил. Так сказал Али, который живет через квартал от нас. Али тринадцать лет. Это он убил. А потом он плакал, потому что убивать страшно. Он убил из пистолета. Бабка Нина крестилась, и все плакали. Али отдал тетям письмо. У того солдата написано так:

«…Береги дочек. Мы спускаемся к Грозному. Нет выбора. Мы не можем повернуть, наши танки навели на нас пушки. Если мы повернем — это предательство. Нас расстреляют. Мы идем на верную смерть. Прости…».

Тети хотели выбросить письмо, а мама положила письмо туда, где книги.

Обещала потом отправить по адресу. Улицы и номера дома нет. Сгорели. Но написано: ххххххх область…

Мне жалко солдата. Я не пойду на остановку, через сады. Там лежит его труп и другие мертвецы.

Поля.

20 января 1995 год

Военные стреляют в собак. Собаки едят покойников.

Теперь на улицах лежат мертвые люди и мертвые собаки. Я стараюсь не смотреть, когда иду мимо. Я закрываю глаза. Потому, что кричу, когда их вижу и не могу остановиться.

А мама ругается. Говорит, я — трус.

Ополченцы воюют с российскими военными.

Ополченцы — это люди, которые защищают свою родину. Так сказала баба Зина.

Внуку бабе Зине пять лет. Его зовут Славик.

Мы с мамой видели дядю Султана — отца моей подруги Хавы. Он ходил по пустым магазинам, искал, может, где еда и дрова. Ничего не нашел.

Бои не заканчиваются. Говорят, в селах много убили людей.

Полина.

21 января 1995 год

Я сижу в коридорной нише на матрасе. Вокруг стрельба. Бьют прямо по дому.

Вчера я спала дома у тети Вали. Она разрешила. У нас негде спать. Все спят на полу и на диване. Некуда ноги положить.

Почему началась война? Мы ходили с мамой на Марш Мира, осенью.

Мы не хотели, чтобы война начиналась.

Сегодня мы насобирали большую коробку кусков от снарядов. Это осколки.

Поставили на стол.

Это — «сувениры» войны.

П.

26 января 1995 год

Многие люди убиты и ранены.

Соседку с нашего дома ранило в ноги. Они опухли. В соседнем доме дяде оторвало руки.

А когда мы прятались в нише при обстреле, за окном попали в машину снарядом. Машина хотела в «беженцы» уехать из города. Там был мужчина, женщина и дети. Женщина стала сильно ранена, а другие стразу погибли.

Женщина кричала-кричала, а потом тоже умерла.

А я уши закрыла руками и лежала на полу. Я не могла слушать, как она ужасно кричит.

Потом сказали, что она была беременная.

Их тела унесли.

От машины ничего почти не осталось.

Мама сказала, мне не надо смотреть.

Поля.

30 января 1995 год

Почему я такая?

Вот летом мы с Аленкой хоронили жуков и червяков. Находили и хоронили.

Каждому сделали могилу, и поставили памятник из камушка.

Но потом не нашли еще мертвых.

И тогда я убила парочку новых жуков, и тоже прикопала.

Решила — пусть кладбище будет пышнее.

Дура!

Но и это еще не все.

Когда я проведывала дедушку в больнице, я сделал один очень плохой поступок.

Я обманула его. Обманула. Как это плохо!

И Бог покарал меня.

К нам пришла война.

Поля.

3 февраля 1995 год

Во дворе были русские солдаты. Они вывели всех во двор.

Парней раздели догола и смотрели на них.

Мне было очень стыдно. Зачем они сняли с них одежду?

Тетки и бабки ругались. Солдаты сказали, что они ищут «след».

След от ремешка, вроде. От автомата. И одного парня куда-то увели. Хотя следа никто у него не видел. Это парень просто мимо двора проходил.

У нас документы смотрели.

Поля.

7 февраля 1995 год

Мы проведали квартиру нашего дедушки.
Там русские солдаты. Они полы сняли. Нет паркета. Дырка.
Они там костер жгли. Сожгли Пушкина!!!
Кошмар! Ужас!
Обед варили.
Мама с ними говорила. Ругала. Они покивали башкой.
Мама говорит:
— Им лет восемнадцать! Не понимают, что творят!
А как по-моему — большие дядьки. Один был с усами.
Они там живут и стреляют.
В квартиру деда попал снаряд. Она разбита.
Телевизор солдаты расстреляли.
Почему?
Поля.

10 февраля 1995 год

Солдаты всюду лазают. Все «базы» разобрали. Еду забрали.

По домам ходят.

Ковры забирают, магнитофоны. На БРТ складывают, на танки. Ездят так.

И некоторые люди (наши соседи) тоже стали ходить по домам и брать вещи. Чужие вещи.

И в свои дома складывают. А берут в домах, где хозяев нету.

Вот такие дела!

Поля.

15 февраля 1995 год

Мы были на базаре, на остановке «Березка».

Там продавали лепешки, сигареты, соленые огурцы.

При стрельбе все бежали, прятались.

Обратно шли, смотрим — бабуля. Везет что-то на санках. Одеялом накрытое.

Мама решила — гроб.

Еле идет бабуля. Ей лет восемьдесят. Седые волосы из-под платка. Вокруг стреляют.

Но бабуля глухая. Не слышит даже.

Мама взялась ей помочь. Через трассу санки перевезла. И тут ветер — одеяло упало.

И мы смотрим, а это вовсе и не гроб, а новый холодильник в упаковке.

Бабуля его где-то украла.

Поля.

20 февраля 1995 год

Мы с мамой шли сегодня в центре города.

Такая стрельба! Я прошу ее:

— Уйдем! Уйдем отсюда! Мне страшно!

А она тащит меня за руку и идет. Она думает, нас не могут убить.

Глупая.

Поля.

21 февраля 1995 год

Я написала Мансуру стихи.

Про тебя, кого никто не знает.
Но душою всей тебя люблю.
(И никто, надеюсь, не узнает,
Про того, о ком я говорю…).

Знаю я, что, может быть, не любит.
Этот очень юный человек.
Но моя любовь неповторима,
Только спорит мой жестокий век.

Даже если позже выйду замуж,
Горя и беды не буду знать.
Все равно об этом человеке,
Буду с сильной грустью вспоминать!

П.

23 февраля 1995 год

Все воруют.

И тетя Г…, и тетя А…, и тетя З… и дядя К… и Х, и М…

Все с утра берут тачки. Идут. А потом приходят — приносят ковры. Посуду. Мебель. Два— три человека не воруют только. Юрий Михайлович не ворует, и еще несколько соседей не воруют.

Другие соседи говорят:

— Русские солдаты воруют!

И это правда.

— И мы будем воровать! Все равно добро пропадет.

И делают так.

Из дома напротив самый неутомимый дедуля Полоний. Он раньше в тюрьме работал. Надзирателем.

Теперь по пять раз в день тачки носит. С ним около десяти его друзей.

Ругаются иногда, кому чего достанется. Прямо во дворе орут.

А с нашего дома отличаются тетя Амина и тетя Рада.

Дурдом!

Мы пошли в центр: я, мама, тетя Валя и Аленка.

И тоже зашли в один частный дом. Там чай был. Мы взяли по одной маленькой коробочке. Потом я увидела куклу. Она валялась на улице. Это был пупсик. И я его взяла. Аленка нашла карандаши.

А мама ничего не взяла. Сказала, что ее чуть не убил снайпер пулей. Снайпер стрелял в маму.

Ведь стыдно, если убьет снайпер в чужом доме, и тебя найдут там, как вора.

— У нас дома своих куча вещей. Девать некуда! — сказала мама. — Идем домой!

И мы ушли.

Поля.

25 февраля 1995 год

Мы ходили в церковь. Она за мостом, где река Сунжа. Сунжа грязная, мутная.

Церковь от снарядов покосилась. По ней не раз попадали. Вокруг дома, как будто после страшного землятресения: вроде были дома, а теперь только часть стены.

В церкви давали соленые помидоры и макароны в стаканчиках.

Все бабушки были русские, и тети чеченки были. Детей много. Бабки на них ворчали. Еще я там видела Катю. Она живет в разрушенных подъездах.

У нее убили папу, маму и бабушку. Катя красит губы. Она нашла красную помаду в разбитом доме. Кате четырнадцать лет.

Мама сказала, что бомба попала в зоопарк, и звери погибли. А я видела собаку. У нее осколками отрезало нос. Она без носа теперь.

И много убитых собак.

Еще говорили: в дом пенсионеров (дом престарелых) попали бомбой, и они погибли.

В церкви тетя-монашка меня водила внутрь, вниз. Там, в подвале, темно, и только свечки тонкие горят у икон. Все молились, чтобы скорее война ушла. Тетя-монашка дала мне рыбу и картошку. И я ела. А мама двор подмела в церкви.

Сказали, что макароны и помидоры дали казаки. Казаки — такие люди, живут где-то далеко, и сюда помогают. Потому, что война.

Потом мы шли назад. Военные сильно стреляли. Мы лежали на земле.

И видели мертвого русского солдата. Его при нас убило. Он лежал, а рядом оружие.

Он был одет в синюю форму.

Мама пошла во двор. А там БТР. И сказала:

— Идите, там ваш парень лежит!

А солдаты что-то ели и пили из бутылки. И не пошли.

Мы ушли домой.

Дали дедушке Юрию Михайловичу немного помидор и макарон.

Он обрадовался!

Поля.

27 февраля 1995 год

Танки едут, а на них ковры. Говорят, возят в Моздок, продают.

И в Ингушетию. Там даже рынок есть. Все ворованное покупают.

А тетю Д… и тетю А… поймали в чужом доме на воровстве. Это — наши соседки.

И тетка-чеченка им сказала, что они «сволочи». Они обиделись.

Сказали, все равно сгорит — потому и берут чужие вещи. Соседи грабят, и военные грабят.

Квартиры и дома. Двери открыты из-за снарядов и бомб.

В домах, если не взяли вещи, то расстреляли: телевизоры расстреливают, стиральные машины.

Мы ходим — ищем хлеб. Нигде нет. Мешок с мукой кончился. Еды нет. Я все время голодная, и мама тоже. Наши беженцы чинят стену в своей квартире на третьем этаже. Бегают туда, пока не стреляют.

Был момент, когда русские танки заехали во двор, а мы все вышли. Мы ни разу не ходили в подвал, а тут решили пойти в подвал. Очень стреляли. Но танки заехали во двор, а мы вышли и дверь закрыли.

И мы побежали назад, а дверь закрыта. Танк навел дуло на подъезд. А в подъезде дети, бабушки и тети.

И мы так испугались. Мы стали бить дверь. Она не открывается.

И я закрыла глаза, я решила, что он сейчас выстрелит, и мы все умрем.

Вот сейчас.

Он выстрелил, но промазал.

Не попал по подъезду — попал выше куда-то. Из садов по танку начали стрелять ополченцы и кричать: "Ваня, сдавайся!"

Танк стал пятиться.

У мамы тряслись руки, дверь не открывалась.

А все кричали:

— Лена, скорее! Лена, открывай дверь!

Дверь перекосилась от взрывов.

Потом дверь все же открылась, и все упали в наш коридор. И лежали.

По двору стреляли из танков.

Поля.

3 марта 1995 год

Мама ходит на «базу», которая рядом. Ищет дрова. Дров нет. А надо чайник греть на костре.

На «базе» бои. Русские солдаты и ополченцы бегают, стреляют. Мансур пошел за дровами, и они стали по нему стрелять. Он еле убежал. Прыгнул со второго этажа.

Мансур носит шляпу. Он пират! Настоящий пират!!!

Я не могу сказать ему ни слова. Хотя очень хочу. Но не могу. Стесняюсь. Он где-то нашел тени для глаз, и мне принес. Маленькие такие, в коробочке. Сиреневые. Подарок! Мне!

Поля.

4 марта 1995 год

Был праздник Ураза-Байрам!

Баба Зина принесла нам соленых помидор и риса. А дядя Ахмед принес жареной картошки. Целую сковородку! На костре пожарил.

О, как мы счастливы! Мы поделились «подарками» с тетей Валей и Аленкой.

Я читала стихи Гумилева. Всем понравились:

Выбор

Созидающий башню сорвется,
Будет страшен стремительный лет,
И на дне мирового колодца
Он безумье свое проклянет.

Разрушающий будет раздавлен,
Опрокинут обломками плит,
И Всевидящим Богом оставлен,
Он о муке своей возопит.

А ушедший в ночные пещеры
Или к заводям тихой реки,
Повстречает свирепой пантеры
Наводящие ужас зрачки.

Не спасешься от доли кровавой,
Что земным предназначила твердь.
Но молчи: несравненное право —
Самому выбирать свою смерть.

Поля.

5 марта 1995 год

Мама и дядя Султан ушли на «базу» за дровами.

А мне страшно одной.

Продолжаю:

Я бежала через сады, через дорогу на «базу». Побежала одна.

А снайпер стрелял прямо по железной дороге, где я бежала. По ногам. Пули рядом падали.

Но я хотела найти маму.

Я бегала, звала ее.

Я видела убитых людей, но это была не мама, и я не пошла близко.

Какие-то тети и дети лежали на снегу, раскинув руки. И одна была бабушка в сером платке.

Потом я нашла маму. Султан уже ушел в наши дворы. Мама все искала дрова. Мы зашли в какой-то домик «базы», и там — старые стулья. Тут стали стрелять из танков.

И бубубув! Снаряд разорвался рядом. Мы упали. Волна воздуха такая! Нас засыпало побелкой и камнями. Но не сильно. Мы выбрались и поползли оттуда…

Мама мне объяснила, что ей сказали, что есть такие мины «тепловые». Они идут за человеком и разрывают его на куски.

Я ползла по снегу, и думала, что такая мина меня обязательно найдет, будет за мной красться, а потом разорвет меня на куски.

Мы долго лежали у дороги.

Летели снаряды, красные и оранжевые.

А потом нам удалось пробежать к домам.

Мы принесли дрова!

Поля.

7 марта 1995 год

Мы ходили в поисках пищи. Искали. Пока шли в центр города, прислушивались: если летит мина или снаряд, на землю ложились.

Встретили русскую бабушку. Она оказалась учительница. Она ходила во все разбитые дома, и собирала книги. Только книги брала! Ни вещи, ни посуду. Книги! Складывала на тележку. Плакала и твердила:

— Надо спасти историю!

Непонятно, откуда, но все время стреляли.

Мы не нашли никакой еды, но мама по дороге успела рассказать мне о семье Николая II.

Особенно мне запомнилось, как царских детей вели на расстрел, и они спускались по ступенькам в подвал.

Я шла и думала, что детей в подвалах убивают. Традиция такая теперь, наверное.

Мы в подвал только один раз ходили. Все время дома были, все обстрелы.

Убьют, так хоть дома.

Ненавижу подвалы.

Поля.

11 марта 1995 года

У меня порвались сапоги. Ноги мокнут. Холодно.

Нет обуви.

И я взяла и зашла в чужой дом.

Хотя дала слово маме — не заходить в чужой дом.

Но зашла — сапоги посмотреть. Я не заметила, что крышка подвала открыта.

Зашла и сразу сапоги увидела. Они лежали на диване. Я на них посмотрела и … упала. Прямо в подвал.

Но не совсем внутрь.

Если б упала, то умерла. Лестницы там не было, а три метра глубина и внизу бетон.

Я руками зацепилась за края. Вылезти не могла. Сил не было. Провалилась по пояс.

На помощь никто не шел. Никто не знал, что я пошла сапоги искать.

У меня даже пальцы побелели.

И тут зашел дед-чеченец.

Я решила, он меня вниз спихнет, и я там умру, а он дал мне руку. И я вылезла.

— Что ты тут ищешь? — спросил.

— Я хотела сапоги взять, — сказала я.

— Не стыдно тебе, — спросил дед, — воровать?

Я красная стала, как помидор.

— Не туда твои ноги ходят! Не тот путь нашли! — громко сказал дед. — Грех! Грех!

- Я никогда не приходила искать вещи. Один раз пришла…

— Будет тебе и за один раз! — перебил меня дед. — Позор!

Потом он увидел, что я в рваных сапожках стою. Пошел и взял те сапоги.

Бросил их через всю комнату.

— На! — сказал он. — Возьми. Моих бомбой убило. Дочку, внуков убило. Никто не придет в этот дом жить. Все там! — показал вверх рукой.

Я сказала:

— Извините, — и ушла.

В своих рваных сапожках ушла.

А потом побежала бегом. Мне хотелось убежать. От стрельбы. От дома и этого деда.

Я побежала и наткнулась на труп. Его не было полчаса назад. А теперь лежал на улице. Мужчина лет сорока. Русский. Житель. Он лежал, и смотрел на меня синими глазами.

А рядом ведро. Он за водой вышел…
Наверное, его убил снайпер.
Мама нашла варение и несла в сумке:
— Где тебя черти носят? — спросила она.
Я сказала.
Мама тут же дала мне подзатыльник. Прямо при покойнике.
У меня, аж в глазах просияло от подзатыльника.
Очень обидно стало.
— Кроме еды — ничего брать нельзя! — строго сказала мама.
Мама нашла одеяло, которое валялось на улице.
Накрыла покойника, и мы пошли домой.
Поля.

12 марта 1995 год

О, что было!

Мы ходили в церковь всегда через мост. Мост наполовину упал в реку. Потому, что бомба попала. Но по другой половине можно пройти. На другую сторону реки попасть.

Еще там, где мост, рядом Президентский дворец битый и разбитая гостиница «Кавказ».

А на мосту стоит пушка и солдаты. Русские. И стулья стоят, и сидят они на стульях.

Это теперь их мост.

Вот мы шли с мамой до церкви, и были уже на середине моста. И я вижу: на другом мосту, который дальше через реку, бегут ополченцы. Я их сразу узнала — у них на голове зеленые ленты.

Они стали стрелять с такой длинной зеленой трубы, которую носят на ремне за плечом.

И прямо по нам! С того моста — по этому мосту!

Кааааак бахнуло! Огонь!

Все попадали.

Рядом с нами еще тетя шла с мальчиком, чеченцы. И дедушка с бабушкой, русские. И мы. Все в церковь шли — там продукты иногда дают. Казаки привозят.

Как начали стрелять!!! Бой!

Солдаты стали бить пушкой по ополченцам, по другому мосту. Пушка большая! На колесах!

Она стреляет, а земля шевелится, как землетрясение.

Я лежала и кричала от страха.

А мама меня потащила за шкирку в разрушенное здание — гостиницу «Кавказ».

Мы еле туда влетели. Между мостами бой!

И люди с моста тоже прибежали в руины гостиницы. Там лежали на полу.

А стреляли сильнее и сильнее.

Я так боялась! Я подумала, вот смерть пришла. Никакой «тепловой» мины не надо. Так убьют.

Гостиница вся разбита. Просто по ней тысячи раз попадали снаряды. Стены, как кружева. Под ногами плиты и куча опилок из камня. Мы часа два там лежали. Познакомились.

Мальчик плакал. Маленький совсем. К тете Асе на руки залез. Она на полу лежала, его обнимала.

А дедушка Борис нас утешал. Сказал, что пули нас не достанут. Ведь так не бывает, чтобы всех сразу убило. У каждого

своя судьба!

Потом мы смотрим, а куча мешков в углу шевелится. Там мусор был, пакеты.

Вылезают четыре солдата оттудова. Оказывается, они все время там лежали!

Мама к ним:

— Чего вы тут делаете?!

Они:

— Мы прячемся. Мы не хотим воевать!

Они мешками прикрылись и лежали. Русские солдаты.

Дед Борис давай на них ругаться:

— Что вы тут делаете? Бой идет! А вы тут за мешками сидите!

А солдаты худые такие. Говорят:

— Мы не хотим воевать! Мы домой хотим! Домой!

Когда потише стало, солдаты нас проводили до другого здания. Мама попросила у них бронежилет.

— Дайте, — сказала мама, — один бронежилет. Для ребенка!

Но солдаты не дали. Себе, сказали, мало. По три на себя одели. Боялись очень.

Мы перебежали дорогу, зашли через окна в другой дом. А там выход завален. Нет выхода. Нужно с третьего этажа прыгать. Назад не пойти — опять стреляют.

Я прыгнула и упала на гору битых кирпичей. Очень ноги ударила и руки поцарапала.

А за мной все попрыгали: охнув, прыгнула тетя Ася, сказав ругательство — моя мама, бабушка и дедушка прыгнули вниз, перекрестившись.

Дедушка Борис сына тети Аси в воздухе поймал.

Поля

15 марта 1995 год

Мансур приходил. Принес муки немного. На лепешку.

Теперь он и его семья ушли от нас.

Еще стреляют, но уже не так сильно.

Они жили у нас, пока сильно стреляли.

У Мансура есть друг. Он живет в соседнем доме. Они всегда вместе всюду ходят. И у них есть подружка с длинным светлым хвостиком. Ей лет шестнадцать.

Я ее терпеть не могу!

Тетя Марьям приехала, потом уехала.

Некоторые соседи вернулись.

Сосед со второго этажа всю квартиру коврами завалил — не пройти.

А тетя Валя, мама Мансура, пришла вчера и стала говорить, что все плохо.

Муж ее давно уехал, а ее с детьми бросил. Уехал в командировку и не вернулся. Нашел другую, русскую, жену.

Мама ей погадала на картах, и сказала, что он однажды приедет. Надо ждать.

А я написала стихи:

Всю жизнь мечтаю я,
Как в сказке
В безбрежном окиане плыть.
Свободной быть.
И вольной быть.

Вдали увидеть остров тайный,
Где изумрудная листва,
Где волны плещутся на берег.
Там все друзья и мир всегда!

Поля.

16 марта 1995 года

Мы пьем чай, который нашли. Он в красной коробочке.

Прибегала тетя Валя, Аленкина мама. Они курили сигареты. Раньше мама не курила. Это ее тетя Валя учит!

Я с мамой ругалась.

Поля.

18 марта 1995 год

Мама сдурела. Ночью сильно стреляли. Я несла коптилку и уронила. Коптилка — это банка, там керосин и фитиль горит. Нет света, нет газа. Темно и холодно в доме.

Взрыв!!! И банка из рук упала и покатилась. И пол загорелся и диван. Все.

А воды нет.

Мы за водой на колодец ходим, и за пятиэтажку. Далеко. И там снайпер часто по ногам стреляет. Воды в доме одно ведро. Мама вылила ведро на пол. Дым пошел. Дым!!!! А полы воняют и горят дальше. И мы взяли ведро у тети Марьям, еще полили. Пожар!

Чуть квартира не сгорела. Я перепугалась. А мама меня избила. Очень сильно.

А сегодня утром притащила к зеркалу и отрезала мои волосы.

У меня были волосы ниже плеча. Каштановые. Она меня обстригла налысо.

И сказала:

— Это тебе наказание! Надо быть внимательной! Ты мне паркет загубила!

На паркете всего одна дощечка сгорела.

Но мама не простила.

Избила и волосы обрезала.

Я сидела и плакала перед зеркалом. Подбородок так дрожал. Мне было противно смотреть на себя. Потом пришла тетя Валя, мама Аленки. Ахнула.

— Ты, Лена, с ума сошла?! — сказала.

И мне сказала:

— Почему ты к нам не прибежала? Мы бы тебя спрятали!

Мама стала злая и очень ненормальная.

А тети Марьям не было дома, и меня никто не спас.

Теперь я одела большой платок. Иначе все дети будут смеяться, и обзывать меня.

Нельзя, чтобы узнали.

Поля.

19 марта 1995 год

Мы ходили за водой. На трубу. Труба далеко, за садами. Там еще речка Нефтянка.

Много было детей, женщин. Все с ведрами и бидончиками.

Там иногда сильно стреляют из автоматов, и мы падаем и лежим на траве.

Мама меня не простила из-за коптилки.

Когда много детей было, она подошла и стащила с меня платок.

Сказала:

— Вот как я ее наказала! Она теперь лысая и страшная, потому что была неаккуратна, и огонь попал на пол!

И все дети смеялись. Стали говорить: «лысая башка, дай кусочек пирожка» и хохотали.

А я стояла и плакала.

И, кажется, что мне лучше умереть, чем жить.

Зачем я живу?

Поля.

20 марта 1995 год

Сегодня день рождения. Мне десять лет!

Я в большом платке, и видно только лицо — как у матрешки.

Мама подошла, обняла меня и сказала:

— Я погорячилась, наверное. Вот, возьми…

И сунула немного денег.

— Это тебе на мороженое! — сказала она.

И пошла по делам.

А я сижу и думаю, что мне не нужны эти деньги. Мне ничего не нужно.

Она не любит меня. Никто не любит.

Продолжаю:

Пришла тетя Валя и Аленка. Принесли старое варение из абрикос.

Его можно помазать на лепешку и поесть. Это — подарок.

Поля.

23 марта 1995 год

Я смотрю в зеркало. Мои волосы не растут совсем!
А мама ходит, как ни в чем не бывало и поет песни.
Она уже забыла о коптилке.
Тетя Валя качает головой.
Поля.

2 апреля 1995 год

Мы ходили на Консервный завод. Это от нас далеко. Нужно идти пешком часа четыре.

Я, мама, Аленка и тетя Валя.

Там можно было взять кабачковую икру. Срока годности нет, он пропал. Но есть можно, если пережарить. Все носят и едят. Там тысячи банок!!!

Мы тоже шли, через дома и сады по дорогам туда.

Там были сотни людей и корреспонденты. Иностранцы. Они говорили на непонятном языке. Мама сказала, они из Англии и Франции.

Эти дяди дали мне и Аленке конфеты!!! Настоящие! Шоколадные!

И ушли.

Они что-то фотографировали.

А мы сразу все конфеты засунули в рот и съели. Ох, как вкусно!

Мама и тетя Валя взяли много банок икры. Мы будем обжаривать ее на сковороде!

Это еда.

Но было и страшно.

Когда мы шли туда, есть дорога, где едут машины. Эта дорога недалеко от Консервного завода.

Там лежал человек. Не человек, а такой черный скелет. Немного одежды.

Лицо и руки скушали собаки. А середину поели, но не совсем.

А рядом сгоревший танк.

И больше не было трупов.

Мама и тетя Валя отвернулись и прошли мимо. А я и Аленка остались. Мы стояли и смотрели.

Я видела его ребра. Они такие были странные, и куски одежды приклеились, вроде…

Мама и тетя Валя давай на нас орать.

Мы побрели дальше. Потом я Аленке говорю:

— Вдруг он зашевелится?

Аленка завизжала.

Обратно не хотели идти той же дорогой, но пошли. И опять я не испугалась. Посмотрела.

Лежит. Все ходят мимо, а он — лежит. Собака подошла, понюхала. Мы ее отогнали палкой.

Я решила звать его «танкистом». Он погиб — наверное, сгорел в танке. Он русский.

Но где его друзья? Почему он лежит на дороге?

Поля.

6 апреля 1995 год

Ох, и страшный сон!

Танкист приснился. И, вроде, он мертвый — весь черный, горелый, а живой!

И шевелится. Ползет куда-то.

Я так кричала.

Маму разбудила. Мама мне опять дала подзатыльников.

9 апреля 1995 год

Были на «Березке». Там очередь была.

Давали коробку с красным крестом.

Я принесла домой ее. И вижу — там сыр. Я так сыра хотела!!!

Я отрезала кусочек. Пожевала. И фу…

Это оказалось мыло.

Я кушать хотела, думала, сыр. Мама открыла консерву. Это тушенка.

И мы ее ели из банки ложкой.

Поля

11 апреля 1995 год

Пыль такая. Воняет непонятно чем. Стреляют. Все — война.

Опять ходили на Консервный завод.

Икру едим. Противная, гнилая. Но тетя Валя ее на сковороде жарит с маслом, и ничего. Можно макать лепешку и есть.

Я уже ждала, когда мимо «танкиста» пойдем.

Мама и тетя Валя прошли быстро. И Аленка с ними. Я картонку тащила, чтобы его накрыть. Нашла по дороге коробку, разломала, чтобы длинная картонка была.

А его нет нигде. Смотрю, а в канаве! Кто-то с дороги в канаву спихнул.

Мимо машины едут, люди идут с тачками за икрой кабачковой, а он в канаве лежит.

Бедненький! Собаки ножки доели. Вкусно, наверное.

Остались ребра только, да кости.

Страшно очень смотреть. Но я решила накрыть картонкой.

Мама увидела издалека, как закричит:

— Дура! Дура! Иди оттуда!

Я не знала, что делать, но картонку вниз бросила. Чуть промахнулась.

(Канава с метр глубиной).

Мама подбежала, меня за руку схватила. Кричит:

— Собака картонку не снимет, думаешь?! Не трогай и не смотри!

И обратно мы этой дорогой не пошли.

Прости, танкист.

Поля.

15 апреля 1995 года

Мы с мамой ходим на базарчик «Березку». Продаем дедушкины удочки, блесна.

У дедушки было более 200-т удочек, спиннингов. Он был рыбак! На Волге рыбачил.

Дядьки покупают. Рыбу будут ловить. Мы покупаем рис, макароны.

Иногда стреляют.

Недавно был такой взрыв!!!

Взорвали солдат в машине прямо на остановке. А другие солдаты так стали стрелять. И все с рынка «Березка» побежали. Падали. Весь товар бросили. Мы побежали к одной тете в дом, и там, в сарае сидели. Потом пошли домой.

Еще долго стреляли.

Я и мама лежали на траве, и я все думала, прилетит мина или нет?

Но не прилетела.

Домой пришли — там Аленка и Васька, тетя Валя и тетя Дуся. Они слышали взрывы, сидели в коридоре. За нас молились, чтобы нас не убило.

Спасибо!

Поля.

19 апреля 1995 год

Поехали на автобусе. И взрыв. Прямо рядом. Люди как закричат!

Я как заплачу. Бабахнуло рядом.

Еле спаслись.

Потом все вышли из автобуса, и на траве лежали.

23 апреля 1995 год

Пасха!!!!

Я болею. Меня тетя Валя угостила котлетами, и теперь болит живот. Я лежу.

Тетя Дуся и тетя Валя напекли печения. Всем давали. Приходил сосед дядя Валера.

Принес яблоко.

А Васька принес мне подарок — конфету!

Такой праздник.

Поля.

24 апреля 1995 год

Все утро читала православный катехизис.
Потом — стихи Мережковского Д. С.
Мне понравились эти:

И вновь, как в первый день созданья,
Лазурь небесная тиха,
Как будто в мире нет страданья,
Как будто в сердце нет греха.

Не надо мне любви и славы:
В молчанье утренних полей
Дышу, как дышат эти травы…
Ни прошлых, ни грядущих дней
Я не хочу пытать и числить.
Я только чувствую опять,
Какое счастие — не мыслить,
Какая нега — не желать!

***

Война!